

В. А. Козлов, Н. П. Коробкова, О. Ю. Курныкин

Восток в историко-экономическом измерении (о макете первого тома «Экономической истории Востока»)

V. A. Kozlov, N. P. Korobkova, O. Yu. Kurnykin

The East in Historical and Economic Dimensions (on the Layout of the First Volume of Economic History of the East)

Обосновывается актуальность предпринятых авторами усилий по разработке сводного обобщающего труда «Экономическая история Востока»; анализируются проблемы, связанные с авторским поиском адекватной цивилизационной специфике Востока методологии историко-экономического исследования; рассматриваются узловое моменты содержания первого тома будущего издания. Актуальность работы определяется увеличением удельного веса ряда восточных стран в современной мирэкономике, подготавливающим более чем вероятные грядущие изменения «правил игры» в экономической сфере. Успешная адаптация к ним во многом зависит от точности прогнозирования, а она, в свою очередь, от состояния исследовательской базы. Непременным компонентом последней должна стать внятная историко-экономическая концепция развития Востока.

Выбор Востока в качестве объекта историко-экономического анализа predetermined особенности авторской методологии, синтезирующей прежде всего институциональную теорию функционирования и развития экономики и миросистемный анализ. На основе данного синтеза авторы вскрывают хозяйственную специфику восточных цивилизаций, очерчивают основные вехи экономического развития Востока в доиндустриальную эпоху, обосновывают внутренние институциональные факторы экономической стагнации на Востоке во времена ускоренной индустриализации Запада.

Ключевые слова: экономическая история, мирэкономика, Восток, Запад, институты, стагнация, азиатский способ производства, доиндустриальный колониализм.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-32

Глубина и продолжительность текущего глобального кризиса делают невозможным возвращение к прошлым докризисным реалиям и неизбежным надлом сегодняшнего миропорядка. Это утверждение стало общим отправным пунктом для большинства серьезных аналитиков вне зависимости от их политико-экономических пристрастий. Между тем мало кто берется гарантировать конечный результат грядущей перестройки. Диапазон предположений необычайно широк: от «конца света» вследствие Третьей мировой войны до формирования подлинно рыночной мировой экономики, свободной от диктата мо-

The article justifies the topicality of the authors' joint efforts in preparation of the work «The Economic History of the East». It analyses the problems connected with the author's search of methodology, adequate to the East civilization specifics. The article reveals the focal points of the first volume contents.

The increasing role of Eastern countries in the present world economy which may change the «game rules» in the economic sphere prompted the authors' interest in the research. Successful adaptation to the new situation largely depends on the accuracy of prediction, and accuracy of prediction is conditioned by the research foundation. This prompted the need for working out a comprehensive theoretical concept of the East historical and economic development.

The choice of the East as a research objective determined the authors' particular methodology that combines institutional theory of operation and development of the economy and world-system analysis. On the basis of this synthesis the authors reveal the specifics of the Eastern civilization economy, outline the East economic developmental landmarks in the pre-industrial era and give grounds for domestic institutional factors of economic stagnation in the East during the rapid industrialization of the West.

Key words: economic history, world economy, the East, the West, institutions, stagnation.

нополистических центров, или даже ликвидации всей системы национальных государств, формирования всемирного правительства. Значительно больше единодушия в оценках ближайших перспектив переформатирования современной мирэкономике в связи с переносом ее центра из Атлантики на просторы Тихого океана.

Это совершенно очевидный процесс, и разногласия возникают только о сроках его завершения. Само по себе перемещение центра экономической миросистемы со времени ее формирования на заре новой истории случалось уже не раз, сопровождалось все-

возможными катаклизмами — войнами, географическим расширением системы, но до сих пор не вело к революционным изменениям ее сути. Венеция когда-то уступила свою роль мирэкономического центра Генуе, та — Амстердаму, тот — Лондону, откуда он перевалил в минувшее столетие на Атлантическое побережье США. Но то были смещения в рамках единой западно-капиталистической парадигмы. Перенос же экономического центра в Тихоокеанский бассейн, завязанный, в частности, на беспрецедентном производственном подъеме в Китае, рано или поздно приведет к существенным изменениям самих «правил игры», навязанных в свое время окрепшим Западом ослабевшему Востоку. Нынешний экономический потенциал даже великой «энергетической державы» вряд ли позволит сыграть ей ключевую роль в выработке нового миропорядка, который придет к нам, скорее, в виде данности, и потому весьма важно для успешной адаптации иметь хотя бы вариативные представления о сути грядущих метаморфоз.

Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день научный истеблишмент не имеет не только скрупулезно обоснованных прогнозов, связанных с общим усилением позиций Востока, но и полноценной научной базы для их обоснования. Разумеется, здесь нет места для всесторонней ревизии. Заметим, однако, что одним из компонентов модернизированной теоретической базы, наряду с текущей статистикой, наработками современных ориенталистов, экономистов, социологов политологов, юристов и прочих, должна стать внятная историко-экономическая концепция многотысячелетнего развития Востока, позволяющая разглядеть глубинные процессы в его хозяйственной жизни, их качественную специфику и направления эволюции. Между тем нет ни одного сквозного обобщающего труда, специально посвященного экономической истории Востока, при всем том, что исследования ориенталистов содержат вполне пригодные для него материалы. В данной публикации мы намереваемся найти объяснения этой гуманитарной пустоши, обозначив также узловые моменты, связанные с методологией и содержанием первого тома «Экономической истории Востока».

Следует признать, что предшествовавшее анонсирование данной книги уже вызвало неоднозначную реакцию в оповещенном научном сообществе. Наряду с горячим одобрением, прежде всего из рядов востоковедов, последовали и откровенно скептические отклики, в первую очередь со стороны некоторых историков-экономистов. Существо их возражений сводится к следующему. Во-первых, «изначальное переплетение властно-собственнических отношений на Востоке делает невозможным вычленение собственно экономического потока из общеисторического процесса». Во-вторых, «дихотомия Восток — Запад лежит в цивилизационной сфере,

а потому ее историко-экономический анализ неизбежно будет отягощен не свойственными для экономической истории категориями».

В совокупности эти аргументы означают, что изложение экономической истории Востока неминуемо собьет те флажки-ограничители, которые были установлены «отцами-основателями» для экономической истории как специфического ответвления исторической науки в середине XIX в. Но и сегодняшние реалии во многом несопоставимы с реалиями эпохи «свободной конкуренции», которые обеспечивали высокую степень самодостаточности данного ответвления в период его институционализации. Однако ставшие историко-экономической классикой труды В. Зомбарта, М. Вебера, М. Блока уже в начале прошлого столетия не вписывались в ранее застолбленное за экономической историей пространство.

Принципиально важным представляется для нас и другое обстоятельство. Экономическая история, как и весь спектр гуманитарного знания, институционализировалась, обрела минимально-достаточную научную основу в период тотального превосходства уже капитализировавшегося Запада над стагнировавшим тогда Востоком. Это не могло не наложить на нее печать европоцентризма, под которой вехи экономической истории отражали главным образом исторический путь хозяйственного развития Западной Европы, отождествляя экономическую историю с капиталистической. Такой подход вполне приемлем, когда пытаются найти объяснения относительному упадку Востока в эпоху возвышения капиталистического Запада. Но он становится слишком узким для понимания, к примеру, экономического взлета Японии (если усомниться в том, что его источником является беспрекословное следование западным эталонам). Еще менее данный подход пригоден для прогнозирования грядущих пертурбаций, связанных с сегодняшним усилением позиций ряда восточных стран.

В силу этого авторы считают возможным существенное расширение принятого в научном мейнстриме категориального аппарата экономической истории при сохранении ее грифа. Принципиальное «добро» на это дал в свое время, пожалуй, самый авторитетный историк прошлого столетия Ф. Бродель. В результате масштабного поиска идентичности экономической истории мэтр остановился все же на том, что и в рамках данного направления перед исследователем стоит «глобальная история людей, хотя и рассматриваемая с определенной точки зрения»; «история общественных масс и структур, претерпевающих медленную эволюцию» [1, с. 11]. (Как индульгенцию можно рассматривать и заявление почетного президента Международной ассоциации экономической истории Ван дер Вее, не исключившего из ее рядов тех, кто изучает «развитие хозяйства как комплекс, в котором ментальные, со-

циокультурные и институциональные различия являются не менее важными, чем собственно экономические аспекты» [2, с. 140]).

При разработке собственной «определенной точки зрения», т. е. методологии данного исследования, авторы опирались на идеи самого Броделя [3], а также развившиеся на их основе построения школы миротемного анализа, представленные прежде всего в сочинениях И. Валлерстайна [4] и Д. Арриги [5]. Бесценным даром стали откровения экономическо-го антрополога К. Поланьи, чье наследие, на наш взгляд, еще не получило того признания, которого оно заслуживает [6]. В области собственно экономической мысли исходной стала институциональная концепция функционирования и развития экономики, представленная в творчестве Д. Норта [7]. В области востоковедения нам оказался ближе всего глобально-исторический подход Л. Васильева [8]. Весьма признательны авторы и известному Китаеведу профессору С. А. Комиссарову, выдвинувшему саму идею подобного издания, долготелая дискуссия с которым позволила избежать, конечно, не всех, но многих шероховатостей в книге.

В итоге предмет авторского внимания составили три великие цивилизации Востока: мусульманская, индо-буддийская и дальневосточно-конфуцианская, их институциональные воплощения в повседневной хозяйственной жизни и экономической политике, главным образом, на территории Азии. Качественная несхожесть их между собой девальвируется лишь в сопоставлении с Западом. Поэтому зримые и подспудные сравнения с Европой будут проходить по всей книге, начинающейся с генезиса данных цивилизаций и заканчивающейся ситуацией середины XIX столетия, когда уже воочию проявились последствия промышленного переворота на Западе, предопределив дальнейшую судьбу Востока.

Переходя к непосредственному содержанию тома, отметим, что дихотомия Восток — Запад не является ни свежеепеченной искусственной конструкцией, ни реликтом, не имеющим под собой сейчас ничего, кроме уважения к сложившейся традиции. Данная дихотомия возникла еще тогда, когда в Средиземноморье появилась качественно отличная от соседних (восточных) античная цивилизация, истоки которой кроются в истории Древней Греции. Именно греки во времена триумфальных персидских войн обнаружили гражданственность в своих полисах как ключевую характеристику, противопоставляющую их рабостепу подданных восточных деспотий. Позднее, во многом с утверждением в Средиземноморье римского права, отличительным признаком Запада стала частная собственность, гарантированная всей мощью государства, на базе которой функционировали структуры античной рыночной экономики и пробные образцы гражданского общества. Восток подобной мутации

не подвергся, и при всех изменениях его основой оставался так называемый «азиатский способ производства» (АСП), подразумевавший абсолютный приоритет государственно-общинного начала над личностным во всех сферах общественной жизни, в том числе и хозяйственно-экономической.

В дальнейшем все еще тонкая ткань античной рыночной экономики не пережила крушения Западной Римской империи. Однако традиции античного рынка и отдельные сущностные элементы римского права, договорных, контрактных отношений не исчезли полностью даже в раннесредневековую эпоху «темных веков», породив в синтезе с германским варварством феномен западноевропейского феодализма. Восток в то время также претерпел определенную эволюцию, выразившуюся даже в более ранней и законченной феодализации, чем в Европе. Однако восточный феодализм не нес в себе античного прошлого. Его матрицей оставался АСП, обеспечивавший симбиоз власти и собственности, «власть-собственность». Восточные владыки в своих фискальных интересах могли терпеть и даже временами расширять отдельные ниши частнопредпринимательской деятельности. Однако в соответствии со сложившимися здесь «правилами игры» деспот в любой момент мог вернуть все под контроль дворцовой бюрократии, что и происходило тысячи лет как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке.

Тем не менее ресурсный потенциал Востока даже к началу нового времени еще намного возвышал его над Западом. К 1500 г. на Востоке проживало 288 млн чел. (68% всего населения Земли), на католическом Западе — 68 млн (16%). При подавляющем аграрном превосходстве Востока в нем осуществлялось 77% мирового мануфактурно-ремесленного производства, против 18%, приходившихся на Европу [9, с. 112–113]. Потокам разнообразных товаров с Востока европейцы могли противопоставить только экспорт сукна и большей частью расплачивались звонкой монетой, которой им самим катастрофически не хватало для стабилизации растущего товарно-денежного сектора экономики. Функции гигантских «пылесосов», безвозвратно втягивающих в себя денежные потоки, исправно выполняли прежде всего Индия и Китай. Запад, казалось, сник и в военном отношении, в котором со времен Крестовых походов фиксировался определенный паритет (в 1529 г. турецкое войско подступало к воротам самой Вены).

Но через пару с лишним веков картина радикально изменилась в пользу Европы. Ее корабли бороздили воды всех океанов, завладев львиной долей всех морских перевозок. Вслед за португальцами в Индийский океан пришли голландцы. Англичане и французы двинулись с побережья вглубь Индостана. Огромный Китай в это же время панически усиливал режим самоизоляции, тщетно стараясь избежать контакта

с европейскими «варварами», а изрядно потрепанная и присмирившая Порта навсегда отставила мечту о гегемонии в Средиземноморье.

Что же так решительно перевернуло баланс между Востоком и Западом? Ответу на этот вопрос и будет посвящен основной массив представленных авторами материалов. Сейчас же отметим, что популярный постулат о «первоначальном накоплении» в его марксистской интерпретации нами не задействован. Одному из авторов уже доводилось писать о его принципиальной ущербности [10, с. 17–18]. Ничего, по сути, не объясняет и стандартный кивок в сторону «развития капитализма в Европе». Наш ответ сводится к тому, что нацеленные на стабилизацию общественных отношений институты Востока, в отличие от структур Запада, по меньшей мере, не могли помочь народам Азии преодолеть барьер, отделявший аграрную экономику от индустриальной.

В то время, когда на Западе ускорялись процессы урбанизации и пролетаризации значительных масс крестьянства, восточные правители были по-прежнему озабочены размещением потенциальных пролетариев на всех сколько-нибудь пригодных землях. В то время, когда на Западе неуклонно росли прибыли городских и сельских производителей, административная верхушка Востока изо всех сил пыталась присвоить весь прибавочный продукт, увеличивая «налог-ренту». При этом большая часть налоговых поступлений просто разворовывалась.

Увеличение объемов производства достигалось почти исключительно на экстенсивной основе и «съедалось» почти без остатка в результате куда более быстрого демографического роста. Как следствие, производство ВВП на душу населения за XVII–XVIII вв. даже уменьшилось (в Китае на 6%, в Индии на 11%), а в Западной Европе этот показатель возрос минимум на 20%. Разнонаправленной динамике среднедушевого производства соответствовали далеко не схожие доли накоплений в национальном доходе. В то время в Индии она не превышала и одного процента НД, тогда как в Западной Европе была уже на уровне 5–7% [9, с. 117].

Если в Европе городские протобуржуазные слои выступали локомотивом ускорявшегося хозяйственного и политического прогресса, то восточные деспоты продолжали держать собственных дельцов «на коротком поводке» — для стабильности. Во имя ее сохранения власти Востока запрещали или ограничивали экспорт отдельных товаров, одновременно пытались и стабилизировать цены внутри страны, и законсервировать монопольную прибыль на свои экзотические товары. А захваченные идеями меркантилизма европейцы в это же время делали все для наращивания экспорта и нанесли сокрушительный ценовой удар по азиатским монополистам, развернув выращивание ряда субтропических культур в Новом Свете.

Если на Западе, с той или иной государственной поддержкой, шло формирование мощных национальных военно-промышленных комплексов, выступавших в роли бронированных кулаков европейской экспансии, то на Востоке власть, напротив, старалась пресечь не опосредованные ею контакты между военными и деловыми кругами. Это было особенно характерно для Китая, правители которого издавна страшились собственных полководцев едва ли не больше, чем неприятеля. Как следствие, страна, изобретшая порох, с бессильным гневом наблюдала за тем, как ошетилившиеся модернизированными пушками европейцы комфортно обустроиваются на морских окраинах Поднебесной.

Если за выходящими в океан даже по частной коммерческой инициативе европейцами стояла вся мощь их государств, то эмигрировавшие подданные восточных деспотий автоматически становились изгоями и могли полагаться исключительно на себя. В силу этого многочисленные анклавные китайцев в Восточной Африке и Юго-Восточной Азии не стали подпорками Поднебесной, в отличие от заокеанских колоний европейских государств, умножавших мощь своих метрополий. Не только европейская экспансия, но и традиционный изоляционизм великих цивилизаций Азии (за исключением исламской) привели к тому, что в судьбоносную эпоху рождения мирового рынка Восток столкнулся с Западом, неизмеримо усилившимся ресурсами Нового Света, разрабатывавшимися, в частности, с недобровольной помощью Африки (трудами африканских невольников).

В книге обрисованы и другие институциональные особенности Востока, но сказанного достаточно для понимания неизбежности нарушения баланса между Востоком и Западом. Колониализм предстает в условиях начавшейся глобализации мировой истории как ее орудие в построении мирового рынка. Имея в предындустриальную эпоху преимущественно торговый облик, тогдашний колониализм был просто не в силах принести народам Востока те масштабные неприятности, в которых его впоследствии обвинили. Размеры неэквивалентности в торговом обмене между Западом и Востоком еще никто не конкретизировал в статистических расчетах (а убедительными они станут лишь в том случае, если теоретики достигнут консенсуса в поставленном еще Аристотелем вопросе о слагаемых «справедливой цены»).

Зато уже сейчас мы можем оценить масштабы влияния товарообмена с Западом на экономический потенциал Востока. В рассматриваемую эпоху внешнеторговый оборот вообще вбирал в себя совершенно незначительную часть ВВП Индии и Китая. (Стоимость всего экспорта Индии в Европу, к примеру, составляла 0,03–0,04% ее ВВП [9, с. 140]). Другая картина наблюдалась только на Островах Пряностей и на некоторых других окраинах Индийского океана.

на, население которых усилиями португальцев и голландцев стало заложником европейских гурманов, но то были действительно окраины Азии. При тогдашнем потенциале колонизаторов они были просто не в состоянии перекосить институционально-экономический фундамент цивилизованного Востока, будь даже у них такие намерения. Вплоть до индустриального переворота Запад не имел и общего технологического перевеса над Востоком (за исключением военной промышленности), и денежные потоки продолжали изливаться на Восток, не создавая здесь

ни «ужасов первоначального накопления», ни феномена «развития капитализма». С европеизацией Америки, увеличением удельного веса индустриального сектора существенно сгладились, но не исчезло вовсе ресурсное превосходство Востока. Получается, что в последующих бедствиях его народов виноват не столько Запад, сколько окостеневшие институты самого Востока. Их сопротивлению, ломке и трансформации в эпоху господства промышленного капитала будет посвящен уже следующий том предпринимаемого издания.

Библиографический список

1. Бродель Ф. Динамика капитализма. — Смоленск, 1993.
2. Бородкин Л. И., Петров Ю. А. Экономическая ситуация к началу XXI века: итоги XIII международного конгресса по экономической истории // Новая и новейшая история. — 2004. — № 5.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв. — М., 1986–1992. — Т. 1–3.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб., 2001.
5. Арриги Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. — М., 2006.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М., 1997.
8. Васильев Л. С. История Востока. — М., 1994. — Т. 1.
9. Козлов В. А. История доиндустриальной экономики: Восток — Запад. — Барнаул, 2008.
10. Козлов В. А. Рождение индустриального мира: очерки истории капиталистической экономики. — Барнаул, 2005.